

СЕМИОТИКА И ПОЭТИКА ТЕКСТА SEMIOTIC AND POETIC TEXT STUDIES

DOI: 10.22363/2313-2299-2022-13-2-249-261

УДК 811.161.1'42:821.161.1-14

Научная статья / Research article

Поэтема как инструмент анализа лирического текста в концепции Л.А. Новикова языка как искусства

З.К. Темиргазина

Павлодарский педагогический университет,
140003, Республика Казахстан, Павлодар, ул. Мира, 60

 zifakakbaevna@mail.ru

Аннотация. Целью данного исследования является демонстрация методологического, «инструментального» потенциала некоторых теоретических понятий, разработанных и углубленных в концепции языка как словесного искусства Льва Алексеевича Новикова, — поэтемы и остраннения. Анализируется лирика Павла Васильева, русского советского поэта (1910–1937 гг.), творчество которого носит транскультурный характер и относится к «литературе пограничья». Моделируются поэтемы «степь — родительница» и «степь — древняя загадочная земля», определяются аллопоэты, в которых представлен ключевой для поэта образ степи; выявляются языковые средства создания эстетической образности в аллопоэтах. Понятие поэтемы позволяет сравнить разные образы и интерпретации в творчестве поэта, провести между ними связующие линии и в конечном счете определить своеобразие индивидуально-авторской поэтической картины мира. Прием остраннения, введенный в научный оборот В.Б. Шкловским, в новиковской концепции предстает инвариантом языковой образности, в который в качестве частных случаев входят традиционные тропы и фигуры. Васильев использует для остраннения в своей поэтике прием нарушения стереотипов, который позволяет привлечь внимание читателя, делая образ непривычным, чуждым. В статье приводятся примеры нарушения поэтических стереотипов, свойственных русской поэзии: символа поэзии — гусяного пера, звука как серебра, а также типичный для Васильева прием нарушения этнических стереотипов, например, внешности: приписывание лирическому герою азиатских черт — раскосости глаз, скул и т.п. Таким образом, широкое понимание остраннения в новиковской теории дает возможность не только принципиально объединить традиционные тропы и фигуры, но и включает специфические индивидуально-авторские приемы поэтической техники.

Ключевые слова: поэтема, остраннение, Павел Васильев, аллопоэта, нарушение стереотипа, транскультурность

© Темиргазина З.К., 2022

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

История статьи:

Дата поступления: 01.06.2021

Дата приема в печать: 1.03.2022

Для цитирования:

Темиргазина З.К. Поэтема как инструмент анализа лирического текста в концепции Л.А. Новикова языка как искусства // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2022. Т. 13. № 2. С. 249–261. doi: <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2022-13-2-249-261>

A Poeteme as a Tool for the Analysis of a Lyrical Text in L.A. Novikov’s Concept of Language as Art

Zifa K. Temirgazina

Pavlodar Pedagogical University,
60, Mira st., Pavlodar, Republic of Kazakhstan, 140003
 zifakakbaevna@mail.ru

Abstract. The purpose of this study is to demonstrate the methodological, “instrumental” potential of some theoretical concepts developed and deepened in the concept of language as a verbal art by Lev Alekseevich Novikov — poeteme and ostrannenie (alienation). The lyric poetry of Pavel Vasiliev, the Russian Soviet poet (1910–1937), whose work is of a transcultural nature and belongs to the “literature of the borderland”, is analyzed. The poetemes “a steppe — a parent” and “a steppe — an ancient mysterious land” are modeled, allopoets are defined, in which the image of the steppe, key for the poet, is presented; the linguistic means of creating aesthetic imagery in allopoets are identified. The concept of a poeteme allows one to compare different images and interpretations in the poet’s work, draw connecting lines between them and ultimately determine the originality of the individual author’s poetic picture of the world. The method of the ostrannenie was introduced into scientific circulation by V.B. Shklovsky; in Novikov’s concept it appears as an invariant of linguistic imagery, which includes traditional tropes and figures as special cases. For the ostrannenie in his poetics Vasiliev uses the method of breaking stereotypes, which allows him to attract the attention of the reader, making the image unusual and alien. The article provides examples of violation of poetic stereotypes inherent in Russian poetry: the symbol of poetry — a goose feather, sound like silver, as well as a typical for Vasiliev method of violating ethnic stereotypes, for example, appearance: attribution of Asian features to a lyric hero — slanting eyes, cheekbones, etc. Thus, a broad understanding of ostrannenie in Novikov’s theory makes it possible not only to fundamentally unite traditional tropes and figures, but also includes specific individual author’s techniques of poetic technique.

Key words: poeteme, alienation, Pavel Vasiliev, allopoets, violation of a stereotype, transculturalism

Article history:

Received: 01.06.2021

Accepted: 01.03.2022

For citation:

Temirgazina, Z.K. (2022). A Poeteme as a Tool for the Analysis of a Lyrical Text in L.A. Novikov’s Concept of Language as Art. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 13(2), 249–261. doi: <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2022-13-2-249-261>

Введение

Словесное искусство, по мнению выдающегося российского ученого Л.А. Новикова, строится на трех взаимосвязанных уровнях: языке как целенаправленном отборе речевых средств, стиле как характерных приемах их использования, поэтике — идейно-эстетически организованных композиционно-речевых структур [1. С. 281–282]. Поэтика признавалась самым высоким уровнем в этой иерархии, который аккумулировал в себе специфические свойства языковых единиц в эстетической организации текста.

«Изучение языка в его эстетической функции как вторичной моделирующей системы также должно опираться на некий вариант образности, выражаемый эстетической единицей, которая вбирала бы в себя суть поэтического языка и реализовалась бы в вариантах различных ступеней и разного характера», — писал Л.А. Новиков [2. С. 119]. В качестве такого инварианта языка как словесного искусства предлагалась поэтема. Она не привязана к какому-либо уровню языка: фонетическому, грамматическому, лексическому и др. Это единица вторичной моделирующей системы и, соответственно, имеет два уровня: поэтическая реальность надстраивается на обычной. В структурном плане поэтема представляет собой набор поэт (аллопоэт), изоморфный структуре основных языковых единиц. Они реализуют инвариантное динамичное имманентное значение поэтемы — семантему. Еще одним интересным с точки зрения практики художественно-стилистического анализа является своеобразная трактовка Л.А. Новиковым приема остранный, предложенная в концепции языка как искусства.

Таким образом, основной целью нашего исследования является определение прикладного потенциала некоторых теоретических понятий, разработанных в новиковской концепции эстетической функции словесного искусства, как инструмента художественно-стилистического, филологического анализа.

Поэтема **СТЕПЬ** в лирике Павла Васильева

Далее в работе применим понятие поэтемы для анализа лирики русского советского поэта Павла Николаевича Васильева (1910–1937). Он родился и вырос в Казахстане. Побродив в юности по сибирским и дальневосточным краям, в 1929 году он приехал покорять литературную Москву. Был несколько раз арестован НКВД, а в июне 1936 года в возрасте 27 лет расстрелян по обвинению в покушении на жизнь Сталина. Его творчество, «по общему признанию, питалось из двух культурных источников — русской культуры и казахской степной культуры. По-другому и не могло быть, ведь он родился и вырос в Казахстане — Зайсане, Павлодаре — в тесном общении с казахами, в непосредственном соприкосновении с казахскими обычаями и традициями, хорошо узнал степную кочевую культуру и проникся ее духом. „Русский азиат“ — называли его. Или, говоря словами уральца Бориса

Рыжего, прожившего те же 27 лет, только без четырех месяцев, — „трансазиатский поэт“» [4. С. 31]. Его творчество можно отнести к «литературе пограничья», в которой «историческая память служит механизмом поддержания пограничного статуса-кво, позволяя принадлежать к нескольким культурам одновременно и предохраняя от полного слияния индивида с какой-либо из них» [5. С. 78].

Не удивительно, что в его лирике большое место занимала степь в ее различных ипостасях: как родина, как культурное явление, как природно-географический и исторический объект и т.д. Понятие «поэтема» использовано нами для выявления специфики эстетического воплощения ключевого для поэта образа степи. Стихотворение Павла Васильева «Родительница степь, прими мою...» целиком посвящено степи:

*Родительница степь, прими мою,
Окрашенную сердца жаркой кровью,
Степную песнь! Склонившись к изголовью
Всех трав твоих, одну тебя пою!
К певучему я обращаюсь звуку,
Его не потускнеет серебро,
Так вкладывай, о степь, в сыновью руку
Кривое ястребиное перо.*

(П.Н. Васильев. Родительница степь, прими мою..., 6 апреля 1935)

Здесь выявляется поэтема «степь — родительница» как система метафорических аллопоэт, последовательно развивающих общую тему лирического текста. Двухъярусность поэтемы выстраивается, по Новикову, следующим образом:

объект¹ — знак¹ — смысл¹ (обычная реальность) ≈
объект² — знак² — смысл² (поэтическая реальность) [2. С. 120].

В анализируемой поэтеме двухъярусность выглядит так:

«безлесное, бедное влагой и обычно ровное пространство с травянистой растительностью в зоне сухого климата» — *степь* — ‘обширное ровное пространство’ (обычная реальность) ≈

«родина» — *степь-родительница* — ‘степь — мать, вдохновительница-муза поэта’ (поэтическая реальность).

В стихотворении поэтема предстает в 4-х аллопоэтах: 1) «степь — мать»; 2) «степь — муза»; 3) «поэт — сын степей»; 4) «степная песнь».

Аллопоэта «степь — мать» построена на олицетворении природного объекта и приписывании ему человеческой роли — матери, в аллопоэте «степь — муза» степь мифологизируется в образе музы-вдохновительницы творчества. Аллопоэта «степная песнь» выражена метафорически:

окрашенная сердца жаркой кровью, т.е. полная любви, благодарности. Песнь — это дар от сына матери-степи: *Прими мою... степную песнь!* Поэта вдохновляет степь, она его муза и одновременно объект воспевания — бесценный неисчерпаемый кладезь, которым питается творческая энергия поэта, перед которым он преклоняется: *Склонившись к изголовью / Всех трав твоих, одну тебя пою!*

Аллопоэта «степь — мать» порождает другую, связанную с ней содержательно аллопоэту — «поэт — сын степей»:

*Так вкладывай, о степь, в сыновью руку
Кривое ястребиное перо.*

Понятие поэтемы позволяет выявить художественную интерпретацию образа степи в творчестве Васильева в целом. Кроме поэтемы «степь — родительница», в его лирике образ степи предстает древней землей, полной тайны, с многовековой неразгаданной историей. В знакомом для творчества поэта стихотворении «Затерян след в степи солончаковой...» (1929) воплощается поэтема «степь — это древняя загадочная земля». Обычная и поэтическая реальность в поэтеме предстает следующим образом:

«безлесное, бедное влагой и обычно ровное пространство с травянистой растительностью в зоне сухого климата» — *степь* — ‘обширное ровное пространство’ (обычная реальность) ≈

«древняя земля» — *степная страна* — ‘тысячелетняя неразгаданная тайна’ (поэтическая реальность).

В поэтеме вычленяются аллопоэты: 1) «степь — неразгаданная тайна»; 2) «степь — многовековая древняя история»; 3) «степь — гнедой иноходец»; 4) «степь — обширная страна степняков-казахов».

*Затерян след в степи солончаковой,
Но приглядись — на шее скакуна
В тугой и тонкой кладнице шевровой
Старинные зашиты письма.*

(П. Васильев. Затерян след в степи солончаковой, 1929)

В этих строках степь изображена неизведанной территорией, с непознанными древними темными тайнами; аллопоэта «степь — неразгаданная тайна» рисуется в ряде словесных образов (*затерян след, резьба стремян темна*). Эта древняя земля с многовековой историей:

*Здесь над тобой в пыли многовековой
Поднимется курганная луна.*

Замечательно точным эпитетом *курганная (луна)* поэт описывает ночное светило, медленно восходящее над вечным покоем многовековых степных курганов.

В начале стихотворения возникает образ скакуна, несущего на шее старинные письма, зашитые «в тугой и тонкой кладнице шевровой». Только дальше в тексте становится понятным, что в образе скачущего гнедого иноходца поэт рисует степную страну, раскинувшуюся вокруг. Этот образ многомерен, полифоничен, выступая и в своем прямом смысле, и в поэтическом смысле, вызывая многочисленные ассоциативные ряды образов и создавая тонкие поэтические переливы едва уловимых смысловых оттенков, ассоциаций, делая этот образ по-васильевски неповторимым, впечатляющим, запоминающимся. Все вечное, непостижимое вызывает печаль в душе поэта: *Звенит печаль под острою подковой...* [6]. Углубляя дальше аллопоэту «степь — гнедой иноходец», поэт развивает идею степи как страны казахов-кочевников:

*Просторен бег гнедого иноходца.
Прислушайся! Как мерно сердце бьется
Степной страны, раскинувшейся тут,*

*Как облака тяжелые плывут
Над пестрою юртою у колодца.
Кричит верблюд. И кони воду пьют.*

Васильев описывает мерное биение сердца степной страны-«иноходца», но затем от широких метафорических обобщений переходит к конкретным деталям и прямым денотативным значениям слов: тяжелые облака, пестрая юрта, рядом колодец, крик верблюда и кони, пьющие воду. Этот переход в поэте выполняет функцию хронологического и пространственного сужения: от размышлений о многовековой истории степи — к конкретному моменту в настоящем, от скачки по простору степной страны — к пестрой юрте и колодцу. Такой же переход мы наблюдаем и в художественной интерпретации образа скакуна: от обобщенной широкой метафоры страны-иноходца — к коню, пьющему воду у колодца. Аллопоэта находит свое выражение в экзотизмах, описывающих специфику быта степняков (пестрая юрта). Две аллопоэты «степь — гнедой иноходец» и «степь — обширная страна степняков-казахов» объединены идеей кочевничества как неотъемлемого образа жизни казахов.

Произведение передает преклонение поэта перед величественным спокойствием степи в непрерывном историческом движении, перед вечностью и тайнами ее прошлого; он сравнивает ее историческое величие с сиюминутностью и суетой человеческой жизни. Исследователь творчества Васильева С.С. Куняев писал: «Отношение к человеческой жизни у степняков иное, чем у европейцев, — и свойственным азиатам спокойствием

перед возможностью близкого конца проникнуты многие стихи Васильева, Забелина, Маркова» [7].

Поэтема, как мы видим, выступает тонким инструментом анализа поэтических текстов, позволяя извлекать из них заложенные автором едва уловимые, сложнейшие оттенки смыслов, объединять лирические образы и проводить между ними прочные связующие нити. В таблице ниже представлена поэтема степи в лирике Васильева.

Таблица/ Table

Поэтемы степи в стихотворениях П. Васильева
Poetems of the steppe in the poems of P. Vasiliev

Поэтема / Poetems	Аллопоэты / Allopoets	Поэтические средства выражения / Poetic means of expression
Родительница-степь	«степь — мать»	олицетворение природного объекта, приписывание ему человеческой роли — матери: <i>родительница степь</i>
	«степь — муза»	мифологизация степи как музы-вдохновительницы: <i>Так вкладывай, о степь, в сыновью руку/ Кривое ястребиное перо; тебя одну пою...</i>
	«поэт — сын степей»	<i>Так вкладывай, о степь, в сыновью руку</i>
	«степная песнь»	метафора <i>окрашенная сердца жаркой кровью; дар от сына-поэта матери-степи: Прими мою... степную песнь!</i>
Степь — это древняя загадочная земля	«степь — неразгаданная тайна»	словесные образы (<i>затерян след, резьба стремян темна</i>)
	«степь — многовековая древняя история»	Денотативное значение слов и словосочетаний: <i>старинные письма, в пыли многовековой. Эпитет курганная (луна)</i>
	«степь — гнедой иноходец»	Обобщенный метафорический образ: <i>на шее скакуна; бег гнедого иноходца</i>
	«степь — обширная страна степняков-казахов»	Эпитет просторен бег гнедого иноходца; олицетворение <i>Как мерно сердце бьется / Степной страны, раскинувшейся тут. Экзотизмы пестрая юрта, верблюды, солончаковой</i>

Остраннение как инвариант языковой образности

Еще одним понятием, существенным для инструментария исследователя поэтики художественных текстов, выступает остраннение. Приведем знаменитую цитату В.Б. Шкловского: «...приемом искусства является прием „остранения“ вещей и затрудненной формы, увеличивающий трудность и долготу восприятия, так как воспринимательный процесс в искусстве самоцелен и должен быть продлен» [8. С. 105]. Л.А. Новиков толкует остраннение

широко как «инвариант языковой образности, самый общий прием словесного искусства, по отношению к которому все другие приемы, включая традиционные тропы и фигуры, выступают как частные» [9. С. 69–70]. Принцип остраннения объединяет не только традиционные тропы и фигуры единым эстетическим принципом создания, но и позволяет увидеть индивидуальные, специфические приемы и особенности поэтической техники того или иного автора [9; 13; 14].

Одной из таких особенностей построения словесных образов в лирике Павла Васильева является нарушение поэтических стереотипов. Стереотипы воспринимаются легко и быстро, не задерживая внимания читателя, но их нарушение привлекает внимание, усложняя и удлинняя процесс восприятия и, соответственно, понимания. Глаз читателя «цепляется» за языковые единицы, в которых выражено нарушение стереотипов, что заставляет читателя-интерпретатора задуматься над их разгадкой. Нарушение как отступление от привычного, знакомого делает словесный образ «странным», «очужденным» в сознании читателя. Рассмотрим действие этого поэтического принципа в произведениях Васильева.

В русской поэзии символом поэтического творчества и вдохновения выступает перо, это распространенный в русской культуре и литературе со времен А.С. Пушкина символ писательства:

*Я петь пустого не умею
Высоко, тонко и хитро,
И в лиру превращать не смею
Мое — гусиное перо!*

(А.С. Пушкин. Князю А.М. Горчакову, 1814).

У Павла Васильева этот символ трактуется своеобразно, в соответствии с его транскультурным мировидением:

*Так вкладывай, о степь, в сыновью руку
Кривое ястребиное перо.*

Перо у него не гусиное, а ястребиное: поэт — певец казахских степей, главным обитателем неба в которых является ястреб. Васильев использует остраннение, разрушая привычный поэтический стереотип и заменяя его необычным, более динамичным, «хищным» словесным образом, который более близок к характеру его творчества, к его эстетическим устремлениям. «Густая живописная образность органически сочетается в его стихах с ощущением стремительного порыва, сметающего традиционный уклад... Васильев первым из поэтов показал преображение всей жизни на фоне дотоле неподвижной казахской степи» [7].

В стихотворении «Родительница степь, прими мою...» певучий звук степной песни сравнивается с нетускнеющим серебром:

*К певучему я обращаюсь звуку,
Его не потускнеет серебро...*

Сравнение звука с серебром тоже довольно распространено в русской поэзии, см., например, у Ф.К. Сологуба, А.А. Фета, А.А. Блока и др. (см. также [11]):

*Где бы в околотке
Ни раздался вдруг,
Как с небесной лодки,
Серебристый звук...*

(Ф.К. Сологуб. «На пастушьей дудке...», 1892).

*На море ли синем поют рыбаки
Иль нимфы **серебряным смехом**
Тревожат пугливое ухо зари, —
Стена им отвечает эхом.*

(А.А. Фет. Стена, 1842).

Однако Васильев делает акцент в метафоре серебра не на признак мелодичности, звонкости, а на долговечность степных мелодий и песен. Метафора *его не потускнеет серебро* построена на остраннении, т.е. приписывании звуку как серебру нетривиального свойства — долговечности, неподверженности временным изменениям.

Для поэзии Васильева также характерно остраннение образа, построенное на нарушении привычных этнических стереотипов внешности человека. Этот прием не нов. Вспомним хотя бы знаменитые строки Александра Александровича Блока, в которых поэт приписывает лирическому герою типичные черты азиатской внешности — раскосые глаза:

*Да, скифы — мы! Да, азиаты — мы
С раскосыми и жадными очами...*

(А.А. Блок. Скифы, 30 января 1918 года).

У Блока эта фраза выглядит декларативной, обладает немалой долей пафоса, вероятно, потому что лирический герой заявляет о своем азиатском происхождении и внешности в пылу дискуссии и спора, о чем пишут многие исследователи. Так, Е.А. Попов в статье «„Скифы“ А. А. Блока как политико-идеологический манифест» говорит: «Сам Блок впоследствии отзывался о „Скифах“ довольно прохладно, считая их слишком похожими на политический манифест, что, собственно, справедливо. Это действи-

тельно политико-идеологический манифест, содержащий несколько тезисов» [12. С. 80].

У лирического же героя Васильева утверждение о своей азиатской внешности является естественным отражением внутреннего ощущения родства с казахским народом, убежденности в своей принадлежности к нему, он видит себя частью его, ощущает неразрывную причастность к степной культуре. И это при том, что, по воспоминаниям современников, Васильев обладал чисто славянской внешностью — был рослым блондином с голубыми глазами. Варлам Шаламов описывает его так: «Это был высокий, хрупкий человек с матово-желтой кожей, с тонкими длинными музыкальными пальцами, ясными голубыми глазами» (см. об этом [7]).

Остраннение с помощью приема нарушения этнического стереотипа внешности является яркой особенностью поэтики Васильева. Оно несет, помимо всего, дополнительную аксиологическую нагрузку, что создает еще большую необычность и непривычность художественного образа для читателя. Нарушаются, казалось бы, незыблемые каноны «своего» и «чужого»: свое, родное вдруг приобретает у Васильева черты чужого, враждебного, и это эстетически привлекательно и прекрасно. «Вопреки сложившемуся в профанном сознании русского обывателя негативному отношению к внешнему облику азиата — казаха: скуластого, с косыми, узкими глазами, смуглолицего, поэту эти черты кажутся красивыми, отвечающими его транскультурному гибриднему канону внешней красоты» [4. С. 38]. Этот прием нарушения эстетического канона поэт использует, создавая образы природы в своей пейзажной лирике: *Теки, Иртыш! Любуюсь, не дыша, Одним тобой, красавец остроскулый!* (Иртыш, 1934); *Не смущайся месяцем раскосым* (Анастасия, 1933). Черты «чужой», азиатской внешности приписываются сакральным, христианским понятиям и вещам — иконам, лику богородицы: *К скуластым от тоски иконам Поводырем ведет тропа...* (На посещение Новодевичьего монастыря, 1932).

Нарушение стереотипов — и поэтических, и этнических, и многих других — было излюбленным васильевским эстетическим способом «остранить» художественный образ, делая его необычным, непривычным для восприятия читателя, создавая в словесной ткани произведения точку «напряжения». Такой эстетический способ в полной мере отвечал бикультурному мировосприятию и мироощущению поэта, и в такой же степени отвечал его личности и поэтическому дару: жизнеутверждающему, необузданному, яростному, не терпящему догм и запретов.

Заключение

Как показывает практика художественно-стилистического анализа, инструментарий для полноценного исследования языковой образности и поэтики художественных текстов на сегодняшний день разработан недостаточно

и, соответственно, не всегда дает глубину и точность анализа языка в его эстетической функции. В нашей работе мы попытались показать, как применяется понятие «поэтема» в художественно-стилистическом анализе образа степи в произведениях Павла Васильева и какие результаты можно получить с его помощью. Поэтема со своей системой аллопоэт, углубляющих семантему, и языковыми средствами репрезентации поэтических смыслов представляется, на наш взгляд, очень эффективным инструментом воссоздания и интерпретации авторского образа и выявления его эстетического и идейно-художественного своеобразия в контексте творчества писателя.

Новиковская трактовка остраннения как инварианта словесной образности, как принципа создания словесных образов также выступает инструментом тончайшего анализа поэтики, выявляющим специфически авторские, сугубо индивидуальные приемы поэтической техники, как показывает исследование. Таким своеобразным приемом предстает у Васильева нарушение стереотипов, которое позволяет привлечь внимание читателя, делая образ непривычным, особенным. Он использует нарушение поэтических стереотипов, типичных для русской поэзии, например, символа поэзии — гусяного пера, звука как серебра, а также нарушение этнических стереотипов, например, внешности: приписывание лирическому герою азиатских черт — раскосости глаз, скул и т.п. Эти приемы делают словесные образы странными и чужими в глазах читателя, который для интерпретации этих словесных образов должен продлевать процессы восприятия и понимания. Широкое понимание остраннения в теории Л.А. Новикова дает возможность исследователю не только объединить традиционные тропы и фигуры на основе единого принципа создания, но и понять природу и сущность специфических индивидуально-авторских приемов поэтической техники, обусловленных мировоззрением и личностью автора.

Библиографический список

1. Новиков Л.А. Избранные труды. Т. II. Эстетические аспекты языка. Miscellanea. М.: РУДН, 2001.
2. Новиков Л.А. Поэтема // Вестник РУДН. Серия Лингвистика. 2003. № 4. С. 119–127.
3. Васильев П.Н. Стихи. Режим доступа: https://45parallel.net/pavel_vasilev/stihi/ (дата обращения: 11.03.2021).
4. Темиргазина З.К. Транскультурность и ее воплощение в поэтике лирических текстов // Полилингвильность и транскультурные практики. 2021. Вып. 18. № 1. С. 29–43. <https://doi.org/10.22363/2618-897X-2021-18-1-29-43>
5. Новохатский Дм. Транскультурный текст и тенденции русского литературного мейнстрима: «Ташкентский роман» Сухбата Афлатуни // Mundo Eslavo, 18. 2019. С. 74–91.
6. Temirgazina Z.K. Cultural Scenarios of Emotions of Sadness, Sorrow and Grief // Middle-East Journal of Scientific Research, 13 (Socio-Economic Sciences and Humanities). 2013. P. 224–229. <https://doi.org/10.5829/idosi.mejsr.2013.13.sesh.1440>
7. Куняев С.С. Ему дано восстать и победить // Павел Васильев. Сочинения. Письма. Режим доступа: <https://www.you-books.com/book/P-N-Vasilev/Sochineniya-Pisma> (дата обращения: 21.03.2021).

8. Шкловский В.Б. Искусство как прием // Поэтика. Сборники по теории поэтического языка. Петроград: Тип. З. Соколинского, 1919. Вып. I, II. С. 101–114.
9. Новиков Л.А. Структура эстетического знака и остранение // Избранные труды. Т. II. Эстетические аспекты языка. *Miscellanea*. М.: РУДН, 2001. С. 56–77.
10. Bakhtikireeva U.M., Sinyachkin V.P., Akoшева М.К. Cognitive Mechanism of Metaphorization in Zoological Terms // *American Journal of Applied Sciences*. 2016. Vol. 13. Iss. 12. P. 1385–1393. <https://doi.org/10.3844/ajassp.2016.1385.1393>
11. Темиргазина З.К., Жакупова Г.К. Гармония и дисгармония: акустическая оппозиция в ранней лирике Александра Блока // Вестник Российского университета дружбы народов Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2021. Т. 12. № 1. С. 137–152. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2021-12-1-137-152>
12. Попов Е.А. «Скифы» А.А. Блока как политико-идеологический манифест // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. 2019. № 48. С. 77–84.
13. Рахимжанов К.Х., Акишева М.К. Метафорическо-метонимическая интерпретация сердца в казахском и тувинском языках: взаимодействие языка, анатомии и культуры // Новые исследования Тувы. 2020. № 4. С. 261–271. <https://doi.org/10.25178/nit.2020.4.18>
14. Albekova A., Kurmanova Z., et al. One more time about the heart: naive anatomy in the Kazakh, Russian and English pictures of the World // *Przeglad Wschodnioeuropejski*. 2021. Vol. XII. No 2. P. 459–475. <https://doi.org/10.31648/pw.6876>

References

1. Novikov, L.A. (2001). Selected Works. Vol. II. In: *Aesthetic aspects of the language. Miscellanea*. Moscow: RUDN University Publ. (In Russ.).
2. Novikov, L.A. (2003). Poetema. *Russian Journal of Linguistics*, 4, 119–127. (In Russ.).
3. Vasiliev, P.N. Poems. URL: https://45parallel.net/pavel_vasilev/stihi/ (accessed: 03.11.2021). (In Russ.).
4. Temirgazina, Z.K. (2021). Transculturalism and Its Manifestation in the Poetics of Lyric Texts. *Polylinguality and Transcultural Practices*, 18(1), 29–43. <https://doi.org/10.22363/2618-897X-2021-18-1-29-43> (In Russ.).
5. Novokhatsky, Dm. (2019). Transcultural text and tendencies of the Russian literary mainstream: “Tashkent novel” by Sukhbat Aflatuni. *Mundo Eslavo*, 18, 74–91. (In Russ.).
6. Temirgazina, Z. K. (2013). Cultural Scenarios of Emotions of Sadness, Sorrow and Grief. *Middle-East Journal of Scientific Research*, 13 (Socio-Economic Sciences and Humanities), 224–229. <https://doi.org/10.5829/idosi.mejsr.2013.13.sesh.1440>
7. Kunyayev, S.S. It was given to him to rise up and win. In: *Pavel Vasiliev. Compositions. Letters*. URL: <https://www.you-books.com/book/P-N-Vasilev/Sochineniya-Pisma> (accessed: 21.03.2021). (In Russ.).
8. Shklovsky, V.B. (1919). Art as a device. In: *Poetics. Collections on the theory of poetic language*. Petrograd: Type. Z. Sokolinsky. Iss. I, II. pp. 101–114. (In Russ.).
9. Novikov, L.A. (2001). The structure of the aesthetic sign and alienation. In: *Selected works. Vol. II. Aesthetic aspects of the language. Miscellanea*. Moscow: RUDN University Publ. pp. 56–77. (In Russ.).
10. Bakhtikireeva, U.M., Sinyachkin, V.P. et al. (2016). Cognitive Mechanism of Metaphorization in Zoological Terms. *American Journal of Applied Sciences*, 13(12), 1385–1393. <https://doi.org/10.3844/ajassp.2016.1385.1393>
11. Temirgazina, Z.K. & Zhakupova, G.K. (2021). Harmony and Disharmony: Acoustic Opposition in the Early Lyrics of Alexander Blok. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 12(1), 137–152. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2021-12-1-137-152> (In Russ.).
12. Popov, Ye.A. (2019). A.A. Blok’s “The Scythians” as a Political and Ideological Manifesto. *Bulletin of Kemerovo State University of Culture and Arts*, 48, 77–84. (In Russ.).

13. Pakhimzhanov, K.Kh. & Akosheva, M.K. (2020). Metaphorical and metonymical interpretation of the heart in the Kazakh and Tuvan languages: an interaction of language, anatomy and culture. *New Research of Tuva*, 4, 261–271. <https://doi.org/10.25178/nit.2020.4.18> (In Russ.).
14. Albekova, A., Kurmanova, Z. et al. (2021). One more time about the heart: naive anatomy in the Kazakh, Russian and English pictures of the World. *Przegląd Wschodnioeuropejski*, XII (2), 459–475. <https://doi.org/10.31648/pw.6876>

Сведения об авторе:

Темиргазина Зифа Какбаевна, доктор филологических наук, профессор, профессор высшей школы гуманитарных наук Павлодарского педагогического университета; *e-mail*: zifakakbaevna@mail.ru

Information about the author:

Zifa K. Temirgazina, Doctor of Philology, Professor of the Graduate School of Humanities of Pavlodar Pedagogical University; *e-mail*: zifakakbaevna@mail.ru